

2. Бредит сивая кобыла...

Это строчка из сборника стихов Т. Фокиной «Философские крохи», который недавно попался мне на глаза: «Бредит где-то сивая кобыла,/ дебет-кредит странно сочетая...» Невразумительная сама по себе, она тем не менее довольно точно определяет характер поэзии тех авторов, которых я хочу сейчас представить. Собственно, представлять их особо не нужно, они достаточно известны в литературном мире Саратова. Стихи их постоянно мелькают в местных газетах, звучат по местному радио, с чем мне весьма трудно примириться.

Когда я позволила себе высмеять в своей предыдущей книге некоторые их «перлы», задетые за живое стихотворцы подняли шум на весь город, обвиняя меня в том, что я порочу в их лице саратовскую поэзию. Один член СП делал выпады в мой адрес – зачем, дескать, «уничтожать другую эстетику», «пусть расцветает сто цветов». Цветов – пусть, но не чертополох, не сорняки огородные, их надо пропалывать беспощадно, чтобы они не задушили настоящие ростки. Ну посудите сами, что это за «эстетика».

Новоиспечённая книга стихов Н. Куракина «Русский вопрос». Постоянный исследователь и неустанный пропагандист его творчества Е. Мартынова пишет: «Перед нами – книга русского патриота, по духу и по сути своей. Судьба России, её боль, её печали и кручины волнуют автора «Русского вопроса» прежде всего» («Деловая газета», 05.05.2004). Что же именно «прежде всего» волнует и беспокоит автора?

Порносайты, децлы, интернет...
Духа русского здесь нет как нет.

Нет, не застольем андалузским,
сроднились мы – простором русским.

В нас пузо – всё ширше, а лобик стал узким.
Не русский в нас дух, а надо б – чтоб русский!

Вот уж поистине квасной патриотизм. Вспоминаются строки Михаила Кульчицкого: «Я б запретил декретом Совнаркома писать о Родине бездарные стихи». Но... «Смежили очи гении. Нету их – и всё разрешено» (Д.Самойлов).

Как выразился Б. Глубоков в заметке о книге Куракина: «Рецензировать изданное Куракиным – себе, как говорится, дороже». Это уж точно. Но я за ценой не постою.

На малейшее критическое замечание Куракин реагирует бурно, с неадекватным событию пафосом:

Ты снова на месте лобном.
Палач наострил секиру...

Знай, занесён злоприпасённый кнут.
Из-под удара ты уже не выйдешь.

Как на алтарь, опять взойти на плаху...

Не хочется уподобляться палачу с секирой, но что делать с такими, например, стихами, которые так и просятся в пародию?

Иду помалу на ущерб.
Что делать? – лучшей половиной.

(Это какой же? – невольно напрашивается вопрос). Или:

А коли боль берёт в тиски –
сжимай виски.
Чтоб уберечься от тоски –
стирай носки.

(А когда тоска пройдёт? Будет ходить в грязных, что ли?) Ну как не смеяться? Пётр Вяземский не мог удержаться в таких случаях: «Как только глупость где подмечу, сейчас зачешется перо». Лучше всего суть куракинского творчества выразил сам Куракин:

Что ж наш гонор всё прёт на котурны,
как гора, породившая мышь?

Некоторые поэты, стремясь идти в ногу со временем, в спешном порядке обзаводятся религиозными темами, внутренне им совершенно чуждыми.

Я ухожу в молчанье, как
уходят в монастырь,
приняв постриги.

Святая Русь!
Ударь в колокола!

То, что Куракин способен «уйти в молчанье», вообразить ещё труднее, чем его уход в монастырь. Невольно вспомнишь пророчество Блока: «Скоро каждый чёртик запросится/ ко святым местам».

Г. Адамович в своё время предложил стихотворцам следующую «памятку»: «В поэзии недопустимы: обман, притворство, поза, кокетство, фокусничанье, комедиантство, самолюбование, развязность, баловство, ходули». По-моему, в стихах Куракина нарушаются все десять заповедей. Самолюбование, напыщенность, рисовка, нестерпимая пафосность лезут в глаза чуть ли ни из каждой строчки.

Возвысив омовеньем тело,
себя прочувствуй – вглубь и вширь.

(Это что, о принятии душа?)

Ты еще нужен России – взвихривать версты дорог!
(о себе, любимом)

Спешу к тебе я, утренний трамвай!
(о поездке на работу)
И в другом:

Благодарю тебя за всё, трамвай!

Ну просто «многоуважаемый шкаф» какой-то. Стихи громяют, не затрагивая сознания. Ну как всерьёз воспринимать образцы подобного велеречия: «И солнцелики вскрики одуванов». «Как сам Куракин пишет по другому поводу: «В каком-то истерическом гротеске фиглярствуют безумные слова».

Тоска по новизне и отмена цензуры создали ситуации, при которых искусство утратило какие бы то ни было рамки и ограничения. «Самовыражаться» стало легко. Нерящество и безответственность вошли в моду. Возомнивший о себе до небес пиит решает, что русский язык ему не писан, и на свет нарождаются «первокрылки любви», «жаровная страсть», «немый рот», «Богом даденная милость», «колокольцев вздрог», «шёпот березный» и такие перлы, как «вздышать», «в щели рассохнулась кадка», «взяла сонючая болезнь,/ задрыхлый сплю, как кошка», «с чистого в кровь начинать мне листа». (Чтобы не было обидно Куракину, добавлю ещё одного, попавшего под руку: «Жизнь такова – не грязнуть в разносолах» (Д.Руфанов). Ну есть же какие-то нормы, правила, в самом деле, и нельзя их грубое нарушение ничтоже сумняшеся выдавать за новаторство. Далеко не все изыски плодотворны и не все поиски плодоносны. Чтобы создавать неологизмы, необходимо иметь чувство слова, уметь слышать поэтическую речь. А когда читаешь у Куракина: «Вздросни! И возродись в слове. Ты здесь, чтоб целить их изъязвленные души», то действительно вздрагиваешь и спотыкаешься на слове «изъязвленные» – попробуй-ка выговорить это вслух! Так же, как и «на всхолмленной горе», «суглинок

изржавый» или, у Гнутова: «любовь, ты Евье лежбище», «смердя чёрной кровью вранья, царит кривоклювье бесправья», – это уже не стихи, а какие-то упражнения для логопедов.

Сказать просто – это высшее мастерство, особый дар, особый уровень. Недотягиванье до него повсеместно. У Владимира Соколова есть прекрасные строки: «Как я хочу, чтоб строчки эти/ забыли, что они слова,/ а стали – небо, крыши, ветер,/сырых бульваров дерева». Огромная масса стихов не даёт ни неба, ни ветра, ни сырых бульваров, ничего, что было бы осязаемым, видимым. Как вы думаете, что это значит:

Ты целуешь, тычась лисьим
жаром губ любви своей
лань кусающая листья,
разве может быть нежней?

Нет, не может влажный шёпот
быть нежней вины, и дань
отдавая, нежить ропот
листьев ласковая лань.

А.Гнутов

Полное забвение всех законов русского языка, всех падежей и склонений. Только спяну можно бормотать такое. Что это? Безграмотность? Словоблудие? Речь, вышедшая из-под контроля сознания?

Женщину расплёскиваю,
как воду из ковша,
всклень наполненного
долгим ожиданием.

Это, простите, как? А вот “высокое словоблудие” от Бориса Глубокова:

Или потеха, или примета,
или словарь невозвратного лета,
полочки мыслей, гуляющих где-то,
нашего в детстве большого секрета
тень на декабрьском снегу.

Тронь эти стрелки – ты королева,
тополь на том берегу.

Такие, с позволения сказать, стихи появляются, когда «полочки мыслей гуляющих» гуляют где-то слишком далеко от своего природного обиталища. Или, проще говоря, когда не все дома. При чтении подобных виршей чувствуешь себя особенно неприятно: это оскорбительное чтение, хочется потребовать сатисфакции от сочинителя, позволяющего себе демонстрацию такой безобразной умственной распушенности.

Молча выразит снисхожденье
кто-то дальний и безучастный.

У меня к таким стихам нет снисхожденья. Как тут не вспомнить Булгакова: «И галиматья совершенно заполонила их драгоценные головы». Читаю А. Амузина:

От тебя не нужно мне
ни добра, ни золота...
Что ни дашь – гвоздь по спине, (?)
да стекло от молота... (!?)

Возьму песню новую,
В ней останутся луна,
наши звёзды с вишнями...
Допою один до дна (!!!)
и не надо лишнего!

Здесь лишнее всё, до единого слова. Что это, как не матёрая графомания и беспросветное рифмоплётство! Впрочем, в последнее время всё реже они себя утруждают и для рифм. Это гордо именуется «потокосознанием» (или бессознанием), верлибром. Знаками препинания тоже не утруждают. Долой грамматику с корабля современности!

Скрипи суэта вами январь
плясал под ёлкой
и взгляд его то убивал, то как иголка
в усталый мозг впускал струю,
А новый год всё проходил,
всё так же тихо.

Кирилл Нитуц

А как вам этот шедевр?

Она всю жизнь смотрела на всё свысока.
Она боялась сделать что-то не так.
Боялась, что люди её не поймут,
если она сделает что-то не то.

Лишь когда наступает ночь,
она во сне мечтает летать,
но только стоит открыть ей глаза,
она снимает трусы, и танцевать начинает вальс.

Моя подруга говорит о звёздах
и при этом мечтает напиться скорей,
и упасть в тарелку лицом.

Дмитрий Литвинов

Даже витающая здесь тень Макаревича не способна одухотворить подобную дребедень.

Поэт Борис Рыжий был удивительно терпимым человеком, любимыми словами его были: «Но с другой стороны – уступи, тебя не убудет, их тоже можно понять...» Но он же не мог согласиться ни с какими компромиссами в литературе. Николай Коляда вспоминал, как они спорили по этому поводу:

– Ну что ты за человек, Боря?! Ты всё хочешь шашкой порубать! – А тот отвечал:

– Графоманов рубить надо, не надо чикаться с ними! Им прямо говорить, кто они! Вот я и рублю!

Когда Рыжий был литературным сотрудником журнала «Урал», он придумал для таких графоманов новую рубрику «Граф Хвостов» (был такой бездарный стихотворец в 18 веке. Известна ироническая ода Пушкина «Его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову»). «Там могли бы печататься различные престарелые члены СП, – предложил Рыжий, – и им приятно, и читателю всё понятно».

Мне кажется, большинству стихов, печатающихся в саратовских СМИ, такая рубрика явно бы не помешала.

Поэзия нуждается в охране, как природа и памятники культуры. В охране от фальши, конъюнктуры, глупости, пошлости, пустозвонства.

Голос твой красивый, чистый, сильный,
будто бы апрельская роса.

И пусть не дрожат колени,
что было для Вас и от Вас.

Мы приходим, чтоб верить Любви,
Мы уходим, чтоб с нею расстаться
и понять, что такое богатство
сердца, вытканного на крови...

А.Амусин

Кажется, уж насмерть заезжена традиция пафосного прекрасноговорения банальностей и бессмыслиц. Ан нет – всё жив курилка. И по-прежнему несёт ахинею. И по-прежнему это называется «стихи». Ох, нет на них пародиста А.Иванова! Как бы его порадовали строчки Амусина:

А рядом дом, пустырь, две тени
легли, что раны, на дорогу...
Одна, ругаясь, скрылась в сени,
другая стынет над порогом...

Окошко правое с угла,
и силуэт, где память тени,
дрожит и плачет до утра,
зажав ладонями колени.

Что это за тени такие, которые ругаются, дрожат и плачут, да ещё «зажав ладонями колени»? А как вы думаете, что это значит: «а старость обольётся детством» или «швыряться клятвами, как рваною одеждой»?

Е. Винокуров писал: «Поэзия – верховный акт мысли». «Поэты – это Мастера мысли». Здесь же – полное без-мыслие, бессмыслица.

И снова карты достаю и жду,
когда пред дамой две девятки лягут,
одну сегодня в ярости сожгу,
другую оберну в твои наряды... (?!)

* * *

Не поверю, а раскину росами (?)
все мгновенья, что ждала под звёздами,
с ночи вытку млечный путь исканий (?)
и укрою боль воспоминаний.

А затем уйду с попутным ветром
в будущее, чтобы ждать карету, (!?)
что, пройдя сквозь толщу поколений,
принесёт заветное мгновенье...

Неисповедимы пути поэтической “мысли” этого стихотворца. Если “раскинуть” не “росами”, а мозгами, то станет очевидно, что «это же глупость в квадрате маразма» – говоря словами самого же Амусина.

Открываю Ларису Миллер:

Что за окошком? Там светает.
Что будет завтра? Снег растает.
О Божий мир, моей душе
дари не ребусы – клише.

Как же хорошо-то, Господи. Вот где поэзия.